

III

Выставка „Общества русской скульптуры“, показанная в 1926 г., именно тем и обрадовала нас, что она обнаружила эту ведущуюся вопреки всем трудностям работу молота и резца. 147 произведений (из коих многие весьма хорошего качества) для 1926 г. — актив не малый, особенно, если вспом-

нить, что на выставке не представлены ленинградские скульпторы: Матвеев, Эллонен и и др.

Еще не так давно наша молодая скульптура находилась в плену отвлеченных конструкций и контрельефов, которые только одни и фигурировали в качестве советской скульптуры на выставках Берлина и Амстердама. И вот первое удовольствие: наше впечатление: наша скульптура уже облекла прежний голый конструктивный скелет своей плотью и кровью камня и дерева, она уже на рельсах здоровой реалистической изобразительности...

Охватывая произведения последних лет выставка дала возможность сделать некий ретроспективный обзор нашей скульптуры. Точкой исхода являются здесь работы Голубкиной, этой престарелой, но все еще неутомимой скульпторши, Коненкова, Домогацкого, Крандиевской и отчасти Эрзи. Это старшее поколение, находящееся еще под знаком импрессионизма. Трепещущая, на-лету схваченная характерность — вот неотъемлемое достоинство их работ: психологически выразительных бюстов Голубкиной, „Нищей братии“ и женского торса Коненкова, мастерских портретных бюстов Домогацкого и т. д. Но здесь же и ограниченность импрессионизма, как фиксации одной зрительной иллюзии. Отсюда этот скорее живописный, чем пластический подход к скульптуре, эта лепка вместо стройки, это предпочтение фрагментов — целому, эти широкие мазки, впадины, сильные тени, а зачастую и расхождение с материалом. Импрессионизм — искусство для уличного созерцания; это обратный полюс монументальности. Это искусство общества индивидуалистически замкнутого, для которого материя лишь случайная оболочка „духа“. Это не значит, что поиски индивидуального начала, „сходства“ чужды нашему времени, но и здесь вместо иллюзорной живописности современная скульптура ищет экспрессии более обобщенной и четкой. Таковы на выставке хорошие бюсты Альтмана, Рындзюнской, Королева, Лебедевой (портрет Инкличева). От эскизности к четкости, от мазка к материальному объему — такова эволюция нашей современной скульптуры.

На грани между прошлым и настоящим находится еще Эрзя. Он одарен большим талантом и редкой темпераментностью. Он работает быстро и страстно. В его женских головах и бюстах есть внутренняя экспрессия, в его группе поверженных женщин („Жертвы революции“) есть ужас. Но Эрзи еще вредит эскизность манеры, неформленность материала, недостаток четкой композиции („Жертвы революции“). Пластический темперамент — большое качество, но еще большее качество для скульптора — умение его обуздать, подчинять целому, подчинять материалу (особенно такому, как железобетон)...

Вместе с тем, в лице того же Коненкова сравнительно давно наша скульптура сделала первый шаг к тому, чтобы преодолеть индивидуалистический реализм и опереться на какой-то коллективный опыт. В свое время Поль Гоген открыл мировому искусству примитивное величие полинезийских идолов; Коненков открыл перед русской скульптурой примитивную выразительность и экономию плоскостей нашей народной резьбы, наших кукол - „матрешек“. Коненков внушил русским скульпторам любовь к дереву, этому нашему национальному материалу, сказывающуюся и на выставке (например, у искусного скульптора-деревообделочника Цаплина).

Вот эта архаизирующая тенденция и представлена на выставке рядом работ. Узкие и плоско врезанные, словно маски, головы Сандомирской и ее же вытянутые стволами фигуры обнаруживают явное увлечение древне-американской скульптурой, в которой скульпторша ищет максимальной „органичности“ своих образов. С своей стороны Рахманов находится под сильным влиянием греческой архаики, что сказывается не только на его терракотовых (танагрских?) статуэтках, но и на самой манере обработки его больших голов (из которых очень хороша по четкости формы и мягкости моделировки голова „сестры“). Греческая архаика чувствуется и у Вайнера в его „горельефе“.

И. Чайков

Агитатор

Наконец, у Фрих-Хара мы видим примитивно вырубленные, по-восточному экзотические и очень экспрессивные маски татар, бюст Салоут (сподвижника Разина).

Архаизм в скульптуре можно понимать двояко: как урок древней мудрости и как стилизацию, реставрацию прошлых форм.

Современный „негрим“, охвативший мировое искусство, характерен как свидетельство о бедности нашего времени, ищущего омоложения у пластического гения первобытных народов.

Но ясно, что, используя действительно великие пластические уроки примитивных ваятелей, мы вовсе не должны реставрировать в XX веке индейские тотемы, негритянские фетиши и славянские идолы. Архаизм для нас — лишь учебная дисциплина.

В поисках четкой пластической формы для других скульпторов такой же дисциплиной является кубизм: четкое граниение формы геометрическими плоскостями. Следы кубизма мы видим на выставке в отлично прорисованном бюсте Ленина работы Альтмана и в своеобразном негро-кубистическом „Быке“ Лебедевой и в первых схематических рельфах Чайкова, в работах Юкерсона и др. Однако, у того же Чайкова мы видим уже уклон от прежней кубистической схематичности к более массивной и монументальной форме. И здесь сказывается благотворное влияние современной французской пластики и прежде всего Майоля.

Майоль — крупнейший французский скульптор после Родена. В такой же мере, в какой Роден был последним гениальным представителем скульптурного импрессионизма, средневековой экзальтированности, Майоль является носителем новой скульптуры, нового современного претворения греческой архаики и классики. Скульптура Майоля — утверждение массивной, полновесной, словно налитой формы, скованной единством монументальной архитектоники. Майоль чужд метафизики, он материалист с головы и до пят, он весь на плодородной земле (недаром „Флорой“ и „Помоной“ называются его прекрасные статуи в Московском музее). Скульптура Родена — нервная лепка, скульптура Майоля — архитектурная стройка, организация объемов, уравновешение тяжестей. Каждая его статуя органически целостна, словно блок. И вместе с тем она чужда грубости; любовная и деликатная моделировка говорит о жизнерадостной любви этого современного французского „грека“ к здоровому человеческому телу. Для нашей скульптуры Майоль дает полезнейший урок реализма, но реализма *организованного*.